30 октября 2001 г. “МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ” 3

В БОЛЬШОМ СЫГРАЛИ В КАРТЫ

Илзе Лиепа стала графиней

Прежде чем было подано главное блюдо – балет “Пиковая Дама”, – испеченное хореографом Роланом Пети из обрывков пушкинской повести и Шестой симфонии Чайковского (редакция Пети), хореограф предложил легкую закуску в виде танцевальной двадцатиминутки.

Это балет “Пасскалья” на музыку Антона фон Веберна. Подобные штучки были очень популярны в шестидесятые годы прошлого века, и несть числа хореографам, что баловались этими бессюжетными шалостями. Что это такое? Немного акробатики, чуть-чуть производственной гимнастики и слегка танцев. Без особых затей, но трогательно. Правда, времена уже не те, поэтому и смотрится это несколько провинциально. Может быть, поэтому первое отделение зал сверкал малиновыми проплешинами. Подтягиваться зрители стали лишь к началу “Пиковой”.Где с феерическим успехом выступила **Илзе Лиепа** — Графиня, но совсем не старуха. В длинном черном платье, в седом парике, с горящими безумным огнем глазами, Илзе создает на сцене образ фантастически притягательный. В ее Графине страсть, холод, чувственность, азарт. Она как черный смерч разрывает сумеречное пространство сцены своим графическим танцем. Ее пластические проходы пронзают драматической силой. И невозможно оторвать глаз от рук артистки, которые плетут пронзительные узоры.

Рядом с такой колдовской Графиней **Николай Цискаридзе** — Германн смотрится юным студентом, случайно попавшим в мир горячих страстей. Все, что касается танца, у Цискаридзе великолепно. Пети подарил ему восхитительные вариации. Особенно впечатляют роскошные прыжки — с перегибами назад, с пролетами через всю сцену. Но по части драматизма — классический балетный мармелад. Руки у сердца, сладкие улыбки, закатывание глаз.

Есть в этой “Пиковой” и Лиза **(Светлана Лунькина)**. Но все ее существование сводится к примитивной задаче — передать ключ от спальни Графини коварному Германну. А вот что происходит с девушкой после того, как она находит мертвую бабушку, напуганную до смерти “пушкой” Германна, неизвестно. Хореограф на этот счет безмолвствует, показывая, что судьба девушки Лизы ему безразлична. Есть и сцены бала, сильно напоминающие стандартные балетные балы. Конечно, есть и финальный эпизод за игорным столом. Глядя на который сразу вспоминается роскошная карточная сцена из балета Бориса Эйфмана “Чайковский”. Рядом с эйфмановскими горячечными танцами на зеленом игорном столе танцы от Пети выглядят пресно.

А есть еще Шестая симфония Чайковского.

И вот тут случилось главное шокирующее открытие спектакля. Музыка Шестой — очень субъективная, с тайной для композитора темой. И не монтируется она с конкретным сюжетом. Звучат в ней скорбь и тоска, а совсем не любовь и страсть, которыми увлечен хореограф. Поэтому все, что происходит в балете, идет в отрыве от музыки Чайковского, так и не подпустившей к себе эротично-чувственные вариации французского хореографа.

Владимир КОТЫХОВ.

ИТАР-ТАСС